

Я — не бабтерфляй!

ЗВЕЗДА

Валентина ТЕРСКАЯ

Известность пришла к Тамаре Гвердцители, когда ей было 9 лет. Звали ее тогда и подружки, и домашние Тамрико. Она солировала в составе детского грузинского ансамбля «Мзиури». Однажды коллектив приехал в Москву на гастроли, и его концерты проходили с большим успехом в престижном зале «Эрмитаж». Когда я пришла на встречу с артистами, чтобы подготовить материал, мне представили его солистку - тоненькую девочку с большими выразительными серыми глазами.

Промелькнули каких-нибудь десять лет, и Тамрико стала лауреатом международного конкурса. Потом - лауреатом «Золотого Орфея», Дрезденского фестиваля и еще многих музыкальных форумов. В то время, работая в Госконцерте, я непосредственно участвовала в отборе кандидатур на те или иные международные фестивали и конкурсы.

Т. Гвердцители блистала в «Олимпии» Парижа и в Карнеги-Холле Нью-Йорка. Ее совместные выступления с легендарным Мишелем Леграном и Жаном Дрежаком покорили многие города мира. Она стала подлинной звездой эстрады в масштабах планеты. Нет, наверное, страны, где не прозвучал бы ее уникальный голос. Никто не умеет, как она, создать настроение щемящей грусти и нежности, привести человека в такой мир, из которого не хочется возвращаться в реальность. Французская пресса, скупая, как известно, на похвалы, писала о ней: «Русские считают ее своей Пиаф».

Воспоминания о концерте, когда я впервые увидела и услышала Тамару Гвердцители, свежи у меня до сих пор. После того выступления мы прогуливались с ней по аллеям сада «Эрмитаж». Она рассказывала о своих увлечениях, о своей маме, приехавшей в Грузию из Одессы. Воспоминания и свой первый репортаж из Тбилиси, который начинался словами: «В Грузии поют все».

- Грузины - поющий народ, -

говорит Тамара Гвердцители. - Это неоспоримый факт истории моей родины. Это край воинствующих мужчин и нежных, скромных женщин. Здесь богатая природа, теплый климат. В Грузии все как бы поет, и неудивительно, что это порождает артистические натуры. Только в Грузии существует шестиголосное пение. Меня как музыканта, композитора и певицу это всегда поражало и восхищало.

- Кто благословил тебя на сценическую Голгофу? - спросила я.

- Мама сделала все, чтобы я состоялась. Она поощряла мое увлечение музыкой, композицией, вокалом. Это она привела меня в «Мзиури», и этот коллектив сверстников стал моим первым университетом. А педагог Иваницкая четыре года «шлифовала» мой голос. Она ничего не «ставила», как принято говорить, а лишь оттачивала мою природную суть. Ей я обязана тем, что эстрадная Голгофа стала моей профессией и личной жизнью. Когда подросток встречается в жизни педагога, умеющего разглядеть в нем то или иное дарование, это счастье.

Я закончила консерваторию по двум отделениям - композиции и фортепьяно, а стала певицей. Да еще эстрадной. Позвал меня сюда внутренний голос. Он твердил мне и твердит поныне: разрашай в музыке и песне серые стереотипы. Преодолевай не только творческую ограниченность, но и человеческое убожество. Не поддавайся примитиву. Не иди на поводу у публики, которая часто бывает художественно и эстетически неразвита, не подчиняйся ее требованиям ради мнимого успеха. И всегда оставайся сама собой, не опускайся до уподобления кому-то и чему-то. Таково мое кредо в искусстве, и ему я не изменяю.

- Сохранить свое собственное «я» не каждому удастся. Некоторые певцы ради быстрого успеха «жмут» на шлягеры. Любая ценой стараются пробиться на ТВ и в эфир. Ты же не делаешь ни того, ни другого. И тем не

менее твоя популярность намного значительнее и весомее.

- Я никогда не уподоблялась бабтерфляй - бабочке, которая в своем стремлении к огню рампы может навсегда опалить крылья о горячую, но мимолетную славу. Я это осознала, когда меня пригласили выступить в США в знаменитом Карнеги-Холле. Концерт там был тем самым риском, который равен многим годам моей чисто профессиональной творческой жизни. Там я, вопреки ожиданиям публики, не пела ни одного шлягера. Я старалась разрушить тот стереотип, который сложился обо мне - прежде всего на основании записей и пластинок. Я исполнила вокализ «Половецкие пляски» из «Князя Игоря», «Ходила младшенька» из «Хованщины», пела грузинский, русский, еврейский фольклор. Этим концертом я поставила на карту всю свою творческую жизнь, пошла, как говорится, ва-банк. Я преодолела барьер тяжелой внутренней борьбы и сомнений, увидела реальный результат своих творческих поисков и из-

нурительного труда. Там я была один на один с чужой публикой, которую мне предстояло убедить в своей правоте, покорить, сделать «своей».

- И тебе, судя по всему, это удалось. Тогда в местных газетах писали о небывалом аншлаге, писали, что редко кому бисеровали здесь так, как тебе. А романс «Только раз бывает в жизни встреча» публика требовала повторить несколько раз и долго не отпускала со сцены. И это при том, что в зале были в основном американцы, а не наши эмигранты. Наверное, этот романс подсознательно ассоциировался у них со встречей с тобой... А как произошло ваше знакомство со знаменитым Мишелем Леграном, определившее твою дальнейшую сценическую судьбу?

- Я отправила ему кассету с моими записями. Просто хотела узнать мнение маэстро. Он таких кассет получал в день сотни со всего мира, но на моей остановил свое внимание и пригласил меня в Париж, предложил здесь работу. Мы быстро нашли общий

язык. У него дома было два рояля, и мы стали музицировать, вместе проигрывать его мелодии. Легран - музыкант от бога. Очевидно, мне было предначертано судьбой, что он обратит внимание на мое творчество и на меня. То время, когда мы работали вместе, дало мне очень много. Наши выступления были для меня лучшим лекарством от всех недугов, физических и духовных. Ведь жить постоянно вдали от родины и родных очень тяжело.

- Когда ты бываешь особенно счастлива - на сцене или в личной повседневной жизни?

- Мое счастье в том, что у меня по существу несколько жизней. Но настоящая я - на сцене. Там я предельно раскованна и раскрепощена. Сцена - моя стихия, мой целитель. Однажды я заболела, поднялась высокая температура, но предстоял концерт, и зрители ждали моего выступления. Собрав последние силы и волю, я вышла к ним и запела. Пела больше часа. И что вы думаете - выздоровела. По крайней мере, температура спала, голова перестала болеть, и я снова, как ни в чем не бывало, была готова «к бою».

На сцене я не сдерживаю своего темперамента и забываю обо всем не свете. Здесь только я и музыка, которую дарю людям. В обыденной же повседневной жизни приходится во многом сдерживать себя, соответствовать другому своему предназначению - быть женой, матерью, дочерью. В отличие от сцены, где как бы стремишься к небесам, был сковывает, зажимает, диктует свои земные законы и ко многому обязывает.

- Твоя знаменитая песня «Виват король» напоминает тебе конкретно кого-то?

- У меня она ассоциируется с великим Лоуренсом Оливье в роли короля Лира. Я мысленно представляю его после спектакля уходящим со сцены - усталым, опустошенным. Его душа как бы переселяется в эти минуты в мою. Еще я иногда вдруг вижу необыкновенные глаза Смоктуновского, хотя и не встречалась с ним никогда. Они все видели, все понимали. Они страдали. Певец тоже должен быть своеобразным гипнотизером со знаком плюс, и тогда его слушатель не останется равнодушным.